

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и московском Литературном институтах. Работал в Запоярье, на Украине и в Казахстане, прошёл трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Лауреат ряда литературных премий, участник двенадцати антологий поэзии, автор семнадцати книг стихов. Живёт в городе Всеволожске (Ленинградская область).

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДОЖДЬ

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Птицы у нас — синие,
И паруса — алые.
Улицы наши — линии —
Прежде были каналами.

Нас на волнах качает.
С нами играют ветры.
Мы закаты встречаем
И провожаем рассветы.

Всякой твари — по паре.
Лица у нас — любые.
Утром глаза — карие,
Вечером — голубые.

Мы здесь — особой пробы,
Мы на простор выйдем,
Если мостов скобы
Из берегов выьем.

Здравствуй, косой дождик!
Здравствуй, мокрое лето!
Каждый из нас — художник.
Всякий — с душой поэта.

Порознь — душа и тело.
Утро. Без четверти пять.
Гиблое это дело —
Музыку ночью писать.
Мало во мне веры.
Сам я себе — враг.
Из-под пера — химеры —
В ласковых лапах — мрак.
Дрожь по спине... До икоты...
И ничего не спеть,
Втиснув истерику в ноты...
Музыка — это смерть,
Выжатая из сердца
На острие пера...
Музыка — это дверца
В то, что любил вчера.
Поздно. Сходятся стены.
Музыки суть проста:
Не перерезать вены
И не предать Христа.

17 ИЮЛЯ

*Ко Дню памяти святых царствен-
ных страстотерпцев —
царя Николая, царицы Алексан-
дры, царевича Алексея,
великих княжон Ольги, Татианы,
Марии, Анастасии
и страстотерпца праведного
Евгения-врача*

Когда во имя своё, в надежде
на подаянье,
В строку, словно гвоздь, вбиваю
для рифмы слово — стихи,
Я забываю о том, как страшно
без покаянья
В гордыне своей пред Богом
ответствовать за грехи.

К чёрту стихи о стихах!

Из либеральных становищ
Гаденький слышится шёпот:
«Христос никого не спас...»
Ленивого разума сон уже
не рождает чудовищ —
Проще простого нынче чудовищ
лепить из нас.

Божьего страха нет.
Не тяготясь виною,
Витийствуют фарисеи
и продавцы любви.
Скукожился шарик земной —
яблочко наливное —
От смрада кадящих Ваалу
на жертвенной царской крови.

Пока о вселенской власти
грезят всерьёз иудеи,
Всё отдаю, чтоб увидеть
имперский полёт орла
И воскресенье Христово,
кровью донецкой Вандеи
На руинах Окраины
отмытое добела!

Бессмысленно былое ворошить —
Пока я к лучшей участи
стремился,
Двадцатый век оттяпал полдуши
И треть страны, в которой
я родился.

И я тому, признаюсь, очень
рад —
Похерив все небесные глаголы,
Кремлядь не прикрывает куцый
зад,
И близятся костры Савонаролы.

Приветствую тебя,
Средневековье!
Мне обжигает лоб печать твоя!
Я жгу стихи, мешаю пепел
с кровью
И смазываю петли бытия.

О, как они скрипят!
Послушай, ты,
Бегущий мимо к призрачному
раю!
Я для тебя — в лохмотьях
красоты —
На дудочке поэзии играю.

Ноябрьский лес — приют печали.
Берёзки — кофе с молоком.
А мне сейчас бы кружку чая,
Горячего да с сахарком!

И кружка чтоб была
«сиротской»!
(Любой турист меня поймёт...)
Здесь по ночам слезится
Бродский
И Пушкин голос подаёт:

Его «очей очарованье»,
Его «унылая пора»
Всю ночь тревожит подсознание,
А утром гонит со двора.

Дыханьем пальцы согреваю,
Ногами листья ворошу:
Подобен изгнанным из рая —
И жить, и чувствовать спешу,

Вдыхаю хвои терпкий запах,
Рябиновую горечь пью,
А рядом снег на задних лапах
Стоит у бездны на краю...

По городу гуляют холода —
Не день, не два, а добрых
три недели...
Скулят на Невском утром
провода,
А раньше пели.

И губы замерзают, и слова,
И голуби в смирительных
рубашках,
Аничков мост звенит, как тетива,
И клодтовские кони —
все в мурашках.

Всё замерло, но лишь на первый
взгляд:
Так вопреки всему, неуловимо
В скалу врастает дикий
виноград,
И злые холода проходят мимо.

От центра чуть — и нету никого.
На крышах ледяные ксилофоны.
И всё-таки случится Рождество!
И вынесет церковный люд
иконы!

Мой зимний город,
ты неповторим!
В тебе и небывалое бывает.
Яви небесный град Иерусалим,
И пусть он человекам согревает!

...Фёдор Михайлович
Достоевский
В руки студента вложил топор —
Пятнами крови заляпан
Невский,
Кровью пропитан Гостиный
Двор.

Нас много... Нас очень много!
Мы ласковы и нежны!
Мы ближе и ближе к Богу,
А вы уже не нужны...

2

Полотовал на просторе
Ветер, поймавший кураж, —
За ночь голодное море
Съело разнеженный пляж.

Тщетно сучит плавниками
Мелкая чаечья сыть —
Ей не разжалобить камни
И никуда не уплыть...

Тленом здесь пахнет и йодом,
Кляксы медуз, как зола, —
Им бы держаться за воду,
Только она утекла...

Поздно сдирать катаракту
И проклинать небеса.
По украинскому тракту —
Русские голоса...

Можно фасеточным зреньем
Видеть горячечный бред
И не считать преступленьем
То, что страны твоей нет...

АРТЁМОВСК

Разрыв оторвал от земли
Вцепившихся в бруствер
руками...
У кошки — боли...
У собаки — боли...
А тут ещё я — со стихами!

Они сюда ночью пришли,
И все, как один, добровольно.
У кошки — боли...
У собаки — боли...
Господь, заberi их не больно!

Февральский дождь ворвался
в город,
Раздел деревья и дома.
Спина сутулится сама,
Когда, подняв повыше ворот,
Перехожу Заневский вброд
У Александро-Невской лавры...
А где-то звёзды бьют в литавры,
И лето длится круглый год,
И полной грудью океан
В объятиях муссона дышит...
А тут (ба-бах!) сосуля с крыши —
Огромная, как чемодан
Заехавшей на часик тёщи...
Мне голос был: «Пиши попроче!
А ты стоишь, как истукан,
К тому ж в буквальном смысле
слова!»
А я в ответ: «Мне так хреново,
Что впору заглянуть в стакан...»
Поставил точку. Задохнулся
От злого приступа стыда...
Ведь где-то люди насмерть
бьются,
И кровь дешевле, чем вода,
И «всероссийские» поэты,
Помяв заёмный камуфляж,
С «передовой» нам шлют
приветы —
Оно понятно, Крым-то — наш,
Артёмовск — далее по списку —
Сожжённая дотла земля...
Я утром был у обелиска
В Дубровке... Мокли тополя,

МАШИНА ВРЕМЕНИ

1

Украинская ночь домашним
пахнет хлебом.
Здесь время не идёт, а тянется,
как мёд.
На капли молока, пролитые
на небо,
Во все глаза глядит ленивый
старый кот.

(Его пра-пра-пра-пра...
мурлыкал фараонам).
Он по-кошачьи мудр.
Он доктор всех наук.
По одному ему лишь ведомым
законам
Он выскользнуть сумел
из цепких детских рук.

Он знает, почему туман
сползает с кручи
И то, о чём поют метёлки
тростника.
А я у костерка под ивой
неплакучей
Никак не разберусь — зачем
течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-
динь — проснулся сторожок!
(Похоже, крупный лещ
польстился на наживку...)
Удилище — в дугу!
Он сам себя подсёк!
Я вывожу его... как крадю,
на тропинку.

И вот он — золотой! Наверно,
в два кило...
Танцует на песке последний
в жизни танец...

Украинская ночь вздыхает

тяжело,
И на её щеках — предутренний
румянец.

Лизнула сапоги неспешная
волна,
И лещ — пошёл, пошёл, качаясь
с бока на бок...
Иди — мне жизнь твоя сегодня
не нужна.
И сладок этот миг, и ветер
тёплый — сладок.

2

Наливаются яблоки, ветви
пригнув до земли.
После долгих дождей в полный
рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду
в Днепре москали
Отравили не корысти ради,
а ради забавы.

Украинская полночь
для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет
перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолуние
приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской
от Обводного тянет канала.

Он садится за стол, и усмешкой
коверкает рот,
И с пустого листа откровенья
наотмашь бросает...
Дядька в Киеве верит, тоску
буряковую пьёт
И из сердца (меня!) пятернёй
на паркет выжимает.

К 20-ЛЕТИЮ КИЕВСКОГО «МАЙДАНА»

Как посмертная маска с лица,
Закопчённый «майдан»
оплывает...

Группный яд переполнил сердца
И теперь вот метро заливает.

Жизнь своё потихоньку берёт,
Хоть и каждый здесь злобой
контужен.

Возвращайся во Львов, идиот, —
Никому ты здесь больше
не нужен!

Нынче в Киеве много весны —
Запало в бочки грязные бахать.
Слышишь, мясо гражданской
войны!

Впрочем, можешь послать
меня на...

Не отмыться тебе от стыда
И не выхаркать привкус резины.
Ты учился сжигать города
У сжевавшего галстук грузина.

Крутануть бы всё это назад
И забыть эти горькие строки,
Чтоб из порванных вен
баррикад
Не сочилась моча в водостоки.

ИМПЕРИЯ НЕ МОЖЕТ УМЕРЕТЬ!

Империя не может умереть!
Я знаю, что душа не умирает.
Империя — от края и до края —
Живёт и усечённая на треть.

Она живёт в балтийских янтарях,
Она живёт в курильских
водопадах,
Она и Севастополь, и «Варяг»,
Она во всём, что мне от жизни
надо.

Оплаканы и воля, и покой,
И счастье непокорного народа...
Имперская печаль —
инога рода —
Она созвучна с пушкинской
строкой.

Она клеветникам наперекор
Глядит на мир влюблёнными
глазами,
Она не выставляет на позор
Оплаченное кровью и слезами.

Пусть звякнет цепь!
Пусть снова свистнет плеть
Над теми, кто противится
природе!
Имперский дух неистребим
в народе —
Империя не может умереть!

Я ПОМНЮ

*Я всё равно паду на той,
На той единственной гражданской...*

Булат Окуджава

*Для меня это был финал детектива.
Я наслаждался этим.*

Из интервью Булата Окуджавы
по отношению к расправе с защитни-
ками Верховного Совета (и Конститу-
ции) в 1993 году

Недоброе дело, ведя молодых за собой,
Налево глядеть, а затем, с полдороги, — направо.
Ах, крутится, вертится, падает шар голубой!
Займи мне местечко в аду, мой герой — Окуджава.

Ты принял свободу, как пёс от хозяина кость.
Идущий на Запад — теряет лицо на Востоке...
С тех пор разъедают мне душу обида и злость —
Осудят меня лишь за то, что пишу эти строки.

Над Питером чайки. Норд-вест гонит воду в Неву.
Грядёт наводнение, и сфинксы мне дышат в затылок...
И радостно мне, что не держит меня на плаву
Спасательный плот из пустых поминальных бутылок.

